Ильин А. Н.
A. N. Il'in

КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

CONSUMER CULTURE AND THE COMMERCIALIZATION OF SCIENCE

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, ауд. 117. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Mr. Alexey N. Il'in – PhD in Philosophy, Professor, Practical psychology Department, Omsk state pedagogical University (Russia, Omsk); 644043, Omsk, Partizanskaya 4 a, aud. 117. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Аннотация. Обществу потребления характерен тренд на монетаризацию и утилитаризацию. Выгода становится доминирующей ценностью в условиях потребительски ориентированного капитализма. В статье доказывается, что смещение научных исследований в сторону прикладной направленности свойственно именно для общества потребления. Объясняются принципиальные различия между прикладными и фундаментальными научными исследованиями. Описываются характеристики «принципа полезности» и «принципа истинности». Автор указывает на тесную взаимосвязь между фундаментальными и прикладными исследованиями. Пробел в развитии одной из этих областей приводит к пробелу в развитии другой области. Описывается широкая роль фундаментальной науки в различных областях функционирования общества. Приводится большое количество критических аргументов в отношении утилитаризации и коммерциализации науки. Далеко не все проекты, реализованные с помощью прикладных разработок, отличаются социальной пользой. Бизнес-структуры не способны в достаточной степени поддерживать развитие науки и образования. Ориентир бизнеса на прибыль во многом противоречит образовательным и научным целям и ценностям. Поэтому основным субъектом поддержки этих сфер человеческой культуры выступает государство. В работе нашли применение следующие подходы. Неомарксистский подход позволил критически оценить потребительские тенденции в науке. Диалектический подход применялся для раскрытия атрибутивного обществу потребления противоречия между коммерциализацией науки и необходимостью поддерживать фундаментальные исследования. При использовании культурфилософского подхода – посредством представления о науке как важнейшей составляющей культуры общества – актуализирована важность сохранения культурного наследия фундаментальной науки и развития фундаментальных исследований. В статье содержится указание как на действительность, так и на нормативность в вопросах состояния науки.

Summary. The consumption society is characterized by a trend towards monetization and utility. Benefits become the dominant value in a consumer-oriented capitalism. The article proves that the shift of scientific research towards the applied direction is peculiar to the consumer society. Basic differences between applied and fundamental scientific researches are explained. The characteristics of the "utility principle" and the "truth principle" are described. The author points to a close relationship between fundamental and applied research. A gap in the development of one of these areas leads to a gap in the development of another area. The broad role of fundamental science in various areas of the functioning of society is described. A large number of critical arguments regarding the utility and commercialization of science are cited. Not all projects realized with the help of applied developments differ in social benefits. Business structures are not able to support the development of science and education sufficiently. The business orientation on profit in many respects contradicts educational and scientific goals and values. Therefore, the main subject of support for these spheres of human culture is the state. The following approaches were used in the work. The neo-Marxist approach allowed us to evaluate consumer trends in science critically. The dialectical approach was used to expose the contradiction between the commercialization of science and the need to support basic research attributable to the consumption society. Using the cultural philosophical approach – through the notion of science as the most important component of the culture of society – the importance of preserving the cultural heritage of fundamental science and the development of fundamental research is actualized. The article contains an indication of both reality and norm in matters of the state of science.

Ключевые слова: наука, общество потребления, культура потребления, фундаментальная наука, прикладная наука, утилитаризация, польза.

Key words: science, consumer society, the fundamental science, applied science, utility, benefit.

УДК 101.1:316

Обществу потребления, существующему в условиях рыночного уклада, характерно множество губительных для культуры тенденций. Именно консюмеризм воспитывает культ наживы, гедонизм, индивидуализм, усиленное внимание к личным проблемам при невнимании к проблемам более масштабного – социального или глобального – характера. Одна из главных особенностей потребкульта – его антикогнитивная направленность. Уместно поставить под сомнение аристотелевскую фразу: «Все люди от природы стремятся к знанию». Большинство наших современников «от природы» стремятся к развлечениям. Склонность к чтению, формированию новых знаний у расширяющейся «армии» потребителей капитулирует перед гедонистически-бездумным времяпровождением. Возникает нечто подобное не объявленному и не афишируемому прямо «культу невежества».

Хотя, как замечает В. А. Лекторский, знания о том, как победить в конкурентной борьбе, вполне востребованы, и молодёжь, в отличие от представителей прежних поколений, знает много в области информационных технологий. Полные невежды не могут выжить в современном сложном мире. Поэтому человек может не знать годы жизни маршала Жукова или куда впадает Волга (как свидетельствуют некоторые опросы), но отлично владеть компьютерными технологиями [2]. В общем, наблюдается тенденция сохранения востребованности прагматичного, приносящего выгоду знания на фоне снижения востребованности знания в более широком смысле – развивающего, расширяющего мировоззрение, формирующего культурный багаж. Оно, будучи непрактичным, нередко представляется бесполезным. Вопросы об истине, духовности, добре и зле – явно не приоритетные для «зараженного» утилитаризмом общества потребления. Именно в наше время знаменитая фраза философа выглядела бы так: «Платон мне друг, но деньги превыше всего».

Наука, наряду с искусством, религией и другими областями человеческой жизни, является частью культуры. Поэтому актуально изучение проблем науки (как культурного явления), существующей в условиях общества, охваченного потребительской культурой. Учитывая антикогнитивную суть потребительской культуры, вовсе не удивительно расширение скептического отношения к фундаментальной науке со стороны представителей как потребительской общественности, так и не менее потребительски мыслящего чиновничества (далее фундаментальная наука и фундаментальные исследования обозначаются аббревиатурами ФН и ФИ, а прикладная наука и прикладные исследования – ПН и ПИ). Ценность науки сужается до полезности и коммерческой выгоды, наука утрачивает свою аутентичную ценность и приобретает цену. Утверждается убеждение, согласно которому наука должна приносить пользу, а не изучать. В знании, соответственно, видится всего лишь средство достижения индивидуального благополучия, престижа, успеха.

В гуманитарных науках, как и в целом в фундаментальных, общество, проникнутое утилитаризмом, видит мало ценного; объект, который не приносит выгоды, представляется недостаточно значимым для инструментального разума. ФН трудно прикладнизировать, мало из чего удастся извлечь собственно меркантильную пользу. В обществе потребления «сама истина, которая обнаруживается как результат познания, не представляет интерес как таковая – она снова и снова используется в новых формах овладения и преобразования мира и способствует все большему экзистенциальному отчуждению» [13, 171]. Всеобщая монетизация (в том числе науки) вызывает рост востребованности прикладного знания и, соответственно, падение интереса к истине как таковой, глубине и оригинальности идей и фундаментальным исследованиям в целом. Знания становятся рыночным товаром. Помимо утраты фундаментальных исследований со всеми вытекающими последствиями коммерциализация нередко приводит к многочисленным фальсификациям научных исследований. Конечно, о повсеместности такой тенденции говорить не приходится, но ее развитие вызывает тревогу.

К социальным наукам судьба несколько благосклонна, поскольку с их помощью вырабатываются социальные технологии, но прикладнизация нередко зиждется на манипулятивных и вред-

ных для общества целях: «... сугубо технологическая форма социального знания служит не столько объяснению социальной реальности, сколько ее изменению, направлена не на получение истинного знания, а на конкретный сиюминутный результат. Результатом применения такого социально-технологического знания чаще всего становится успешность манипулирования людьми, что противоречит гуманитарному характеру социальных наук. Примером тому может служить политтехнологическое знание» [4, 84]. Остается надеяться, что социальные науки будут востребованы не только в качестве политтехнологий, позволяющих направлять общественное мнение в определенную «нужную» сторону. Современному обществу (и человечеству в целом) присущи новые проблемы, в первую очередь проблемы экологического кризиса и нравственно-духовного опустошения. Именно благодаря научному подходу получится найти вектор разрешения этих проблем, выявить оптимальные средства для обустройства надлежащего общежития людей. И наверняка этим займутся социогуманитарные фундаментальные науки. Так что их значимость весьма высока.

Эффективное развитие науки возможно при условии ее финансирования стратегически мыслящим государством, а не частными лицами, которые заинтересованы в финансировании технологий, приводящих к уже запланированному практическому результату. «Приватизация» науки с последующей ее переориентацией в сторону экономоцентризма характерна для конsumerистской современности. Общество потребления выражает рыночное отношение к науке и потому предъявляет к ней меркантильные требования. Наука ставится на службу конкретным целям производства и потребления на уровне «здесь и сейчас». Если ученый заранее планирует получить из своего исследовательского проекта определенный результат для усовершенствования какого-либо средства производства, он занимается не фундаментальной наукой, а прикладной разработкой, которая может представлять интерес бизнесу, надеющемуся с помощью реализации научного изобретения опередить конкурентов на рынке.

Наука же, если говорить в первую очередь про ФН, в качестве цели ставит не столько усовершенствование чего-либо, а поиск истины, открытие законов бытия. Вместо политического, коммерческого или какого-то иного запроса изначально источником научного знания выступало стремление разгадать некую тайну в целях удовлетворения личного любопытства. Здесь любознательность преобладает над прагматизмом. Такие вопросы обычно бесполезны для практического приложения и уж тем более для сферы бизнеса.

Принцип истинности актуален в основном для ФН. Он связан с ответами на главные вопросы бытия, которыми человек стал задаваться еще на заре своего развития, с получением истинных знаний о человеке и окружающей его действительности, с ответом на метавопросы «ЧТО?» и «ПОЧЕМУ?». К вопросам ФН относятся, например: происхождение Вселенной, эволюция живой материи и т.д. ФН направлена на изучение мира какой он есть, на построение объективной картины реальности. Она стремится зафиксировать, описать, объяснить, не исказить. Ученый заинтересован не в том, чтобы конструировать мир, а в выяснении как, по каким законам и закономерностям тот сконструирован. ФН представляет собой совокупность исследований, которые направляются на получение нового знания о мире (природе, человеке, обществе) и определяются не внешними (политическими, финансовыми и т.д.) факторами, не интересами заказчиков, а собственными задачами: «Фундаментальные исследования движимы единственной заботой – поиском истины, бескорыстным упражнением разума, не признающим никакого другого авторитета, кроме принципа разумного основания» [1].

Принцип полезности актуален для прикладных разработок; с ним связан интерес именно к пользе, а не к поиску истины. На пьедестал возводится эффективность. Интерес проявляется именно к той истине, которая применима и эффективна. Принцип полезности – ориентир для использования полученных от ФН знаний для изменения предметов и процессов в нужном (полезном) для человека смысле, ориентир для ответа на метавопрос «КАК?» или «Как я могу использовать ФН?». Здесь речь идет не об изучении действительности, а о ее изменении, преобразовании, о борьбе с сопротивлением реальности. ФН направлена в сторону открытия, ПН – в сторону изобретения. Целенаправленное конструирование мира учеными (деятельностный компонент) в данном случае преобладает над изучением (познавательный компонент) того, как мир сконструирован

«сам по себе». Исследование в контексте технологического использования науки не познает естественную реальность, а преобразует ее, строя реальность искусственную. Если ФН раскрывает законы существования бытия, ПН, опираясь на эти законы, создает новое бытие. Истина как таковая здесь меняется на полезность и эффективность. Методология познания смещается методологией конструирования. ПН не интересуется приращением знания ради знания. Если новое знание не решает поставленную практическую задачу, оно не воспринимается в качестве позитивного результата. Еще Р. Генон сокрушался по поводу того, что во всех своих формах прагматизм порождает абсолютное безразличие к истине, промышленность становится смыслом существования науки и оправданием для нее, а люди, стремясь подчинить материю и ограничивая свои интеллектуальные претензии, превращаются в механизмы и в рабов материи [15]. Сейчас поводов для такого беспокойства значительно больше, чем во времена Генона.

ФН, как искусство, не всегда приносит прикладную экономическую пользу. Но, отказавшись от поиска истины и обратившись только к пользе, человек теряет великую часть своей культуры. Познавать мир и самого себя – важные духовные потребности нормального человека (не обезображенного антикогнитивностью потребительской культуры). Поэтому поддержкой ФН недопустимо пренебрегать, даже если она требует проведения дорогостоящих финансовых вложений.

Частный сектор целями ФН по понятным причинам не интересуется. Однако зачастую именно ФИ формируют основу коммерчески ориентированным прикладным разработкам. Порой ученые, занимающиеся ФН, неосознанно своими исследованиями оказывают содействие ПН и решению актуальных технологических проблем. Трудно согласиться с Е. А. Мамчур в необходимости создания генетически измененных видов растений и животных для решения проблемы голода. Но вызывает согласие ее мысль, что зависимость современных технологий (биотехнологий, биомедицинской технологии, нанотехнологий и т.п.) от ФН только растет [8].

«Естественно ожидать, что способы воспроизводства и изменения социальной реальности также должны впитывать достижения соответствующих наук, а именно тех, которые занимаются ее исследованием и углубляют ее понимание» [5, 105]. Мнение представителей социально-гуманитарного знания (философов, психологов, культурологов, филологов, политологов, религиоведов) нередко учитывается при обсуждении практических приложений. Самый наглядный пример – НБИКС-технологии. Управленцы разного уровня используют ФН, чтобы достаточно глубоко рефлексировать свою деятельность, а также принимать важные, стратегически и тактически значимые решения и придавать им обоснование. Осуществляющий психокоррекцию психолог-практик, проектирующий некое сооружение инженер, лечащий пациента врач, создающий новый виртуальный контент программист – все они в той или иной степени основывают свою деятельность на ФН, которые не даром именуются базисом. ПН опирается на ФН в целом и на философские идеи в частности. Если некоторые фундаментальные исследования продуцируют знание ради знания, то прикладная наука реализует полезность не на пустом месте, не из вакуума, а из знания. Создание инновационных практических технологий произрастает из собственно исследовательской деятельности. На ФН опирается оборонный комплекс, а также вся (связанная и не связанная с ним) промышленность, с помощью которой развивается страна в разных отношениях, а также достигается и поддерживается государственный суверенитет. ФН стоит в основе создания атомных электростанций, компьютеров, самолетов, медицинских препаратов и многого другого – список можно перечислять почти до бесконечности. Поэтому явно необоснованны недоучет ФН и абсолютизация концепции исчерпанности познания фундаментальных свойств и закономерностей природы и общества.

Именно на ФН опираются прикладные (технологические) разработки, которые выступают в качестве эффективного применения научных открытий. Конечно, и ФН, в свою очередь, опирается на высокоразвитые технологии. ФН не просто опирается на прикладные разработки, а обобщает их эффективные результаты, создает на их основе новые научные генерализации. Ведь ориентация на обобщение всего имеющегося знания – это одно из главных качеств ФН.

В России же не только участились разговоры о недостаточной полезности ФН, но и доля расходов на ФН оставляет желать лучшего. Д. Эпштейн показывает неутешительную динамику

расходов на ФН и зарплату ученых, а также появление новых забюрократизированных форм воздействия на нее и неэффективных методов управления ФН, реализуемых без всякого внимания к мнению научного сообщества [14].

Следует заметить, что ПН, решая актуальные эмпирические задачи, может породить новое знание о каком-либо объекте, хотя это не является ее основной целью. Таким образом, имеет смысл говорить о тесном переплетении ФН и ПН, теории и практики. Однако, по замечанию Б. И. Пружинина, превращенное в товар и включенное в товарный обмен знание само по себе не порождает потребность в дополнительном знании о мире [3].

Ориентир фундаментальной науки на открытие истины вполне морально состоятелен. Однако ориентир прикладной науки на изменение действительности бывает откровенно антигуманным. Человеческий ум создает массу различных проектов, часть которых полезна для общества в целом, а другая часть – только для инициатора этих проектов. Некоторые проекты, будучи полезны для одного человека или группы лиц, бывают вредны для общества. Проектирование как такое требует серьезного регулирования в интересах социума.

Полезность следует рассматривать в самом широком смысле, то есть не для каких-то отдельных экономических или политических элит, а для общества в целом. Научно-технический прогресс уже успел продемонстрировать свою совсем не прогрессивную в плане пользы изнанку. Далеко не все инновации полезны. Некоторые изобретения изначально оказываются крайне вредными для общественных интересов, например генно-модифицированная продукция. Другие же, несмотря на их необходимость, остаются потенциально опасными. Некоторые изобретения полезны только их производителям (то же ГМО, рекламные способы формирования потребностей, медийное манипулирование сознанием), но крайне вредны потребителям и обществу в целом. Да и в целом ПН сейчас нашла применение в обслуживании свойственных обществу потребления фиктивных потребностей, которые ведут к интеллектуальной и нравственной деградации людей. Нередко новые изобретения характеризуются страданием для большинства, которые выступают экономическим и политическим благом для небольшого числа людей. Поэтому когда речь идет о пользе, целесообразно конкретизировать: польза для кого имеется в виду. Если польза является точечной, если на одной чаше весов возникает индивидуальная (корпоративная) выгода, а на другой – вред для общества, окружающей среды и будущих поколений, по своей масштабности превышающий эту выгоду; то польза не согласуется с пользой в широком плане, с идеей добра.

Можно допускать существование рационализма с нечеловеческим лицом и иррационализма с человеческим. Бытует мнение, преимущественно в экзистенциальных кругах, согласно которому человеческий разум сам себя дискредитировал в XX в., о чем свидетельствует «рационализм» двух мировых войн, экологическая катастрофа, существование тоталитарных государств, Освенцима и Бухенвальда. Все эти изобретения, продукты больного, но утонченного разума (разума, который безумней самого безумия), эти проявления высшего прагматизма и рациональности – оставили неизгладимый след на сфере рационализма. Сапиенсность человека обогнала его хомость, в чем, видимо, и заключена «теодицея после Освенцима». Разумная, технологически-инструментальная эксплуатация природы способна экстраполироваться на сферу социальной жизни, когда общество представляется вооруженным рациональностью элитам в качестве материала, который поддается целенаправленному воздействию.

Сегодня масштабные манипулятивные психотехнологии, массовые реклама и пропаганда – как продукты разума и средства порабощения – сместили жесткое администрирование. По своим внутренним особенностям, то есть в содержательном плане, эти психотехнологии обычно нерациональны, но они создаются разумом и используются в целях разума, ищущего коммерческую или политическую выгоду посредством влияния на сознание людей. Их формированием занимаются ученые. Пригнанность, ранее ставившаяся между наукой, культурой и этикой, меркнет.

Научный рационализм сам по себе не морален и не аморален, но нет защиты от попадания его плодов не в те руки, так как превратно использовать можно многое (и неоднократно научные достижения служили целям иррационализма). Вспоминается «Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера. Разум, подчиненный диктату целерациональности, сам разрушает гуман-

ность, которая возникает благодаря разуму. Разум способен соблазняться выгодами прислуживания античеловечно направленной воли и быть инструментом удовлетворения низменных эгоистических потребностей. В разуме как таковом, в голом разуме, нет аргумента, запрещающего насилие и социальный вред.

Голый интеллект, лишенный совести, человеколюбия и дальновидности при рассмотрении результатов предпринимаемых им поступков, способен породить печи Майданека в отдельности и убийственную для человечества форму научно-технического прогресса в общем. Он решает одни задачи, которые выгодны определенному субъекту и несут сиюминутное значение, и тем самым создает огромные проблемы другим субъектам, а возможно и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Так, он не задумывается о том, что добавление нитратов в агропосадки ради уничтожения мешающих их росту микробов приведет к попаданию нитратов в грунтовые воды, а это повлечет за собой необходимость выделения значительных средств на строительство и более интенсивное использование водоочистительных сооружений. НТП создал много решений проблем, но и конституировал массу новых проблем – еще более глобальных, чем прежние. Лишенный нравственного измерения рационализм способен порождать «экономический империализм», при котором принципы рационального поведения выливаются в эгоистическую максимизацию полезности, могущую перейти в область политики, жизни в целом и даже в межсупружеские отношения. Тогда каждый воспринимается каждым не как полноценный субъект, а как инструмент достижения личной пользы.

Рационализм много дает человеку, но, оторванный от нравственных оснований, многое отнимает. Без этих оснований вредна декартовская позиция: за истину принимать только то, что очевидно, что представляется уму ясно и отчетливо. Она ведет в тупик гиперрационализма, к культу разума, который относится к жизни исключительно с позиций рационального расчета. Она приводит к аннигиляции ценностей, которые нельзя измерить. «Чистый» разум забывает нормативную правильность, но помнит утилитарную целерациональность, раздувшуюся до тотальных размеров за счет амнезии социально необходимой нормативности. Ни наука, ни техника, лишенные этического компонента, не отвечают на вопрос «Какими вещи должны быть?». Техника, конечно, бывает способна ответить на этот вопрос о долженствовании вещей, но чаще всего в том случае, когда сам вопрос касается меркантильного интереса какого-то человека или сообщества людей (бизнесмен, корпорация), а не широкого социального контекста. В случае техники и технологии вопрос обычно звучит так: «Какими вещь должны быть, чтобы я смог их продать и получить максимальную прибыль?». В случае этики вопрос несколько иной: «Какими вещи должны быть, чтобы обеспечить человеческое существование в дальнейшем и минимизировать возможные риски?». Этика как область ФН вместо вопроса «ЧТО?» или «КАК?» задается вопросом «ЗАЧЕМ?».

Без морального прогресса технический прогресс обращается к целям зла, ибо принцип интеллектуальной честности должен быть сопряжен с принципом моральной честности, также как мозг и сердце – взаимодополняемые элементы одной системы. Две мировые войны и другие рукотворные трагические явления, которыми был насыщен XX в., указали не только на огромный технический прогресс, но и на колоссальную моральную незрелость и культурную шаткость.

Технический прогресс привел к массовому производству, товарному изобилию и формированию инфраструктуры комфорта, которые в свою очередь создали идеологию потребления. Проект гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека, все на благо человека», «Человек есть мера всех вещей» реализовался в формировании общества потребления. Возник экономический тип человека – человека, который стал настолько ценить свое личное благополучие и равнодушно относиться к благополучию общественному, что согласен за него платить даже отказом от свободы; приняв потребительскую культуру гедонизма, многомерный человек редуцировался до одномерного. В этом заключена рациональность приватной сферы нашего современника. Потребитель обменял высокие интеллектуальные, эстетические и этические идеалы на вещизм и культурные симулякры. Он деполитизировался, утратил нравственное и экологическое сознание, расписался в тотальном индивидуализме, в позиции «моя хата с краю». Можно ли считать появление общества потребления закономерным итогом прогресса?

Именно в XX в. ярмарка тщеславия достигла апогея. Хотя это время и было отмечено огромным количеством научных открытий, данный скачок обошелся очень дорого как человечеству, так и земле обетованной. «Разумное» и требующее минимума издержек решение сиюминутных проблем привело к появлению еще более значимых проблем: площадь создаваемых человеком пустынь растет, озоновый слой истончается, много видов животных, птиц и растений исчезло и т.д.

Знания, не сопряженные с духовным развитием личности, оторванные от нравственности, способны превратить реализующего их человека в монстра. Рост его знаний может привести к росту трагичности последствий от его действий, основанных на этих знаниях. Отличаются опасностью как абсолютизация науки и техники, так их полное отрицание как антигуманных и вредных явлений – оба эти полюса требуют примирения в некоей срединной позиции: наука и техника ценны и осмысленны только тогда, когда они наполнены гуманистическим содержанием. От них требуется быть ответственными перед обществом, перед этикой, перед другими ценностями, которые не являются собственно научными. С другой стороны, от социума, общественных и политических объединений требуется быть ответственными по отношению к науке, которая должна развиваться свободно, но так, чтобы свобода научных и технологических целей и ценностей не нарушала социальных целей и ценностей и свободы человека.

Принцип полезности всегда и везде отличается аморальностью и социальной невостребованностью; его нужность для развития общества и его структур неоспорима. Однако перекося в сторону рыночной прикладнизации науки ведет к вытеснению истинности полезностью. И эта полезность далеко не всегда оборачивается действительным благом для общества и последующих поколений. Тем более в современной России в отличие от СССР так и не сформулирована национальная идея, не создан образ дальнейшего развития страны, который придал бы определенную направленность для прикладных разработок и создал бы новые задачи для фундаментальных исследований.

Такие тренды, как коммерциализация, прагматизация и ориентация на сиюминутную прибыль, перерождают науку в хозяйственно-производственную сферу, призванную, ограничивающуюся функцией обслуживания экономических и технологических нужд преимущественно чиновников и бизнес-структур. Но истина не заменима эффективностью и пользой. Наука как образование и медицина – это не товар. Знания полезны не только для выработки идеологии и экономики вещизма. Они необходимы не только для создания потребительской инфраструктуры, которую составляют новые бренды и многочисленные товары, нередко нужные только для подчеркивания статуса их обладателя. Знания нужны не только для формирования новых потребностей, стремлений к перманентной замене потребителем уже имеющихся у него гаджетов на новые, которые представляются современными, более совершенными по части эффективности и удобства в использовании, полезными и привлекательными. Такие тренды, как и в целом развитие потребительской культуры, способны инициировать понижение человеческого интеллекта и культуры. Как заметил Б. И. Пружинин, если бы тот, кто когда-то тёр минералы, ориентировался на рынок и ждал финансирования, мы до сих пор сидели бы при свечах [7]. Возможно в этих словах есть преувеличение, но здравого смысла в них намного больше, чем преувеличения. Если предположить, что наука развивалась бы только рынком, то степень ее развитости была бы значительно ниже, чем мы наблюдаем.

Как заметила Е. Л. Черткова, наука все больше направляется внешними стимулами – политическим, военным, социальным заказами. Коммерческая и политическая воронка втягивает в себя науку и перемалывает по своим законам. Правила качественной научной деятельности могут обесцениться, и их вытеснят законы рынка. Загубить науку можно просто и быстро, но восстановление потребует значительный временный и финансовый резерв [10]. Более того, необходимость знаний не ограничивается благими целями модернизации различных сфер человеческой жизни. Знания о мире самоценны, даже если не привязаны к каким-то прагматичным разработкам. Они самоценны как культурные явления. Достоинство знания – вовсе не то же самое, что его цена, рыночная стоимость, которая выражается в оценке знания с позиции его прибыльности, необходимости для капитализации фирмы. Поэтому ценность и цена – явления различные.

Наука – не только средство создания новых технологий: полезных для общества, бесполезных или вредных. Этим ее функции не исчерпываются. Во-первых, технические приложения нужно выстраивать «вдаль», то есть приоритет отдавать не созданию новых малополезных продуктов, не сиюминутной пользе для себя как бизнес-корпорации, а формированию масштабной структуры, реальная полезность для общества от которой будет себя проявлять долгое время и выведет страну на новый виток развития (вспомним советскую индустриализацию). То, что сегодня кажется слишком абстрактным и не отвечающим реальным и насущным потребностям, в будущем может стать крайне нужным для развития тех или иных сфер социальной жизни (экономика, экология, оборона и т.д.). Значимы масштаб и всеобщность пользы.

Нередко сегодняшние фундаментальные разработки «вспоминаются» не завтра, а спустя 10, 50 или 100 лет. Когда происходит в будущем такая реанимация прошлого и его использование, будущее как бы расписывается в благодарности к прошлым истинам, к их незабвенности. Поэтому ряд фундаментальных разработок отвечает запросам постсовременности. Соответственно, организации науки следует опираться как на требования дня, так и на потенциальные (пусть пока и неосознанные) требования будущего. Да, эти требования невозможно заранее предугадать с абсолютной достоверностью. Однако, как думается, лучший способ это сделать – не ограничивать развитие ФН набившей сейчас оскомину тактической логикой. Теории, вроде бы бесполезные для практической применимости, могут содержать в себе огромный потенциал новых технологий, просто он откроется в будущем. Как замечают Э. и Х. Тоффлер, под нажимом требующих скорейшей отдачи инвесторов управленцы зачастую вынуждены снижать финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ или переводить фонды из исследовательского в конструкторский сектор, а остатки тратить не на фундаментальные, а на прикладные исследования. В результате могут затормозиться инновации именно тогда, когда они наиболее необходимы [12].

Наука призвана как преобразовывать мир, так и объяснять его. Собственно познавательная деятельность не является вторичной по отношению к преобразующей. Однако сегодня «чистые» познавательные ценности вытесняются утилитаризмом, знание-цель вытесняется знанием-средством.

Как оба принципа (истинности и полезности), так и обе сферы исследований (ФН и ПН) требуют поддержки. Согласимся с мнением Л. А. Марковой, что устранение из академии или университета философии и фундаментальных исследований равнозначно ликвидации ученого [9]. ФН – не приложение к прикладным разработкам. Наконец, еще Ф. М. Достоевский замечал, что там, где образование начинается с технических приложений, не появляется Аристотеля, но возникает суживание и скудость мысли. Там же, где образование начинается с Аристотеля, появляются великие технические открытия и расширяется человеческая мысль [6].

Длинная цепь ФИ – ПИ – внедрение – производство – прибыль бизнес не интересует (особенно спекулятивный бизнес), но для своего самосохранения она должна быть интересна КОМУ-ЛИБО. К тому же в некоторых случаях результаты исследований проявляются спустя длительное время, поэтому необходима поддержка науки в целом, а не только отдельных выгодных бизнесу разработок.

Кроме того, когда бизнес выступает заказчиком образования, он рассматривает образование как средство обучения работников минимально необходимым навыкам осуществления конкретной профессиональной деятельности. Другие образовательные результаты вроде интеллектуального, нравственного, эстетического развития представляются бизнесу излишними. Они только увеличивают стоимость подготовки, а потому выступают издержками. Вместо методологического мышления, нравственных ценностей бизнес-структуры интересуют исполнительность, умение выполнять определенную профессиональную деятельность. Если бизнес превратится в единственного или основного заказчика образования, произойдет редуцирование последнего до узкопрофессиональных навыков с полным невниманием к собственно воспитательной стороне образовательного процесса. Образование станет вместо полноценной личности производить субъекта узкой профессии как товарную форму. И даже если учащиеся будут получать высокие навыки в рамках своей работы, они останутся необразованными. Они будут только узко обученными, а целостность образовательного процесса сведется до интересов заказчика: «Образование должно оставаться обществен-

ным благом и служить стратегическим целям развития личности и общества. В противном случае мы рискуем перепутать поиск истины с погоней за прибылью, которая способна покончить с образованием вообще» [11, 18].

Товарная парадигма не направлена на развитие науки и образования. Кроме того, лишенный контроля и ориентированный исключительно на прибыль бизнес склонен использовать научные достижения во вред: создание генно-модифицированных объектов, продуктов питания и фармакологических изделий непотребного качества, манипуляция общественным сознанием с помощью новейших информационных технологий и т.д. Частный интерес мало озабочен общественным благом, экономическим развитием страны, своим вкладом в национальный НТП. Государство призвано щедро финансировать науку не только потому, что наука есть неотъемлемая и необходимая часть культуры, но и потому, что многие ФИ имеют большой потенциал и в будущем их результаты могут быть использованы в прикладных отраслях, необходимых в том числе и для производственной сферы. Наконец, государство, национализировав науку, должно осуществлять эффективный контроль над изобретениями и их внедрением, исходя из этического концепта пользы. Научно-технические изобретения – не самоцель и не средство заработка, а синструмент достижения всеобщей (общественной) пользы.

Для осуществления модернизации необходимо финансирование как краткосрочных, направленных на решение конкретных задач разработок, так стратегической долговременной программы прикладных исследований, так и фундаментальной науки. Ориентация исключительно на сиюминутную выгоду пагубна для развития страны. Признание и обеспечение единства фундаментальных и прикладных измерений науки – один из главных факторов развития общества в целом и различных сфер жизнеобеспечения (социокультурной, экономической, политической, технической и т.д.) в частности. ФН – как сфера духовной жизни, так приоритетная отрасль экономики.

Поддержание как фундаментальной, так задачно и технологически ориентированной науки – залог модернизации в самом широком смысле этого слова. Наука развивает образование, промышленность, медицину, сельское хозяйство, оборону и т.д. Инновационные перемены не могут быть осуществлены талантливыми учеными, деятельность которых государство отказывается поддерживать.

Не хотелось бы думать, что в будущем ученые, выбирая тему для исследований, станут вместо поиска истины задумываться только о том, получат ли они финансовую (например, грантовую) поддержку. Не хотелось бы думать, что при выборе тематики на первое место встанет не содержательная, а материальная сторона вопроса, рыночный потенциал тематики. Не хотелось бы думать, что актуальность, а значит, и необходимость поддержки проекта исследования будет определяться исключительно тем, кто оказывает эту поддержку – крупным бизнесом или государственными чиновниками. Кстати, в США и некоторых странах Запада наметились подобные тенденции. Когда ученый раскрывает действительно актуальную и значимую тему, которая дискредитирует корпоратократические элиты, он не получает поддержки. Однако, если он берется за «политкорректную» («корпоратокорректную») проблематику и изучает ее в «политкорректном» ключе, под ним расстилается красный ковер. Ведь одну и ту же тему можно раскрыть по-разному. Например, глобализацию можно описывать как благотворный для всего мира процесс интеграции всех экономик, культур в единую мировую систему; как процесс экономической, культурной и политической экспансии корпорациями многих стран мира (что более соответствует действительности). Однако на реализацию второго варианта деньги выделять вряд ли поторопятся.

Наука предполагает поиск новой информации, образование – воспроизводство выработанной наукой информации. Оба процесса вносят неоценимый вклад в общественное развитие. Более того, они являются залогом существования общества и образованного, культурного развитого, профессионально самодостаточного человека. Потому как ФН и ПН, так и образование должны стабильно обеспечиваться за счет государственного финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида, Ж. Университет глазами его питомцев [Электронный ресурс] / Ж. Деррида // Отечественные записки. – 2003. – № 6 (15). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/UNIVERSITET-GLAZAMI-EGO-PITOMCEV#s18>.
2. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 20-56.
3. Информационный подход в междисциплинарной перспективе. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 84-112.
4. Карпова, Л. М. Наука в обществе потребления / Л. М. Карпова // Реальность. Человек. Культура: трансформация бытия человека в обществе потребления. VI Ореховские чтения: материалы Всерос. науч. конф., Омск, 24 октября 2014 г. – Омск: ОмГПУ, 2014. – С. 82-85.
5. Касавин, И. Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры / И. Т. Касавин // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 100-111.
6. Перспективы российской науки как социального и культурного института. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 3-43.
7. Культурно-историческое сознание ученых-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: Опыт федеральных университетов. Материалы «круглого стола – онлайн-конференции» // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 5-37.
8. Мамчур, Е. А. Фундаментальная наука и современные технологии / Е. А. Мамчур // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 80-89.
9. Маркова, Л. А. Рец. на кн.: On Twenty-Five Years of Social Epistemology. A Way Forward / Л. А. Маркова // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 175-181.
10. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 5-39.
11. Николаева, Е. М. Образование в обществе потребления / Е. М. Николаева, М. Д. Щелкунов // Философия образования. – 2009. – № 1. – С. 11-19.
12. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ МОСКВА; ПРОФИЗДАТ, 2008. – 569 с.
13. Цветухина, Е. А. Амбивалентность познания в отношении к культуре потребления / Е. А. Цветухина // Реальность. Человек. Культура: трансформация бытия человека в обществе потребления. VI Ореховские чтения: материалы Всерос. науч. конф., Омск, 24 октября 2014 г. – Омск: ОмГПУ, 2014. – С. 169-173.
14. Эпштейн, Д. Реформирование российской науки: результаты и перспективы бюрократических игр (Окончание) / Д. Эпштейн // Свободная мысль. – 2016. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/643-reformirovanie-rossijskoj-nauki-rezultaty-i-perspe>.
15. Guénon, R. La Crise du Monde Moderne / R. Guénon. – P., 1927. – 244 p.